

А. Ф. Лемешев

Константин Леонтьев

Белорусский государственный медицинский университет

«Люди, братья мои. Я прожил весь век в тоске и неудаче. Но я люблю вас и не хочу вам того горя, какого слишком много понес на себе. Вот что: любите жизнь! Нет ничего священнее Древа Жизни. И так – до скончания земли, и это – одна правда на земле».
К. Леонтьев «Древо жизни»

В 2010 году весь мир отмечает 150-летие со дня рождения А.П. Чехова. Чехову посвящена прекрасная статья в журнале «Здравоохранение» (2010, № 1), с любовью и душевным прилежанием написанная проф. Ю.К. Абаевым. В этой же статье перечислены многие врачи-литераторы. К сожалению, в этом списке отсутствует К. Леонтьев.

Есть люди, обласканные славою. Известность просто липнет к таким индивидуумам. И, напротив, в истории можно найти немало выдающихся личностей, которых Судьба (капризная дама) обходит своею благосклонностью. К подобным людям, от которых Фатум отвращает лик, относится К. Леонтьев. В 2011 году исполнится 120 лет со дня его смерти и, одновременно, 180 лет со дня рождения. Расхожая фраза о тех личностях, которые опередили время, отпущенное для жизни, вполне может быть отнесена к нашему герою [4].

Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) – неповторимо-индивидуальное явление. Нужен особый вкус, чтобы оценить и полюбить его. В отличие от иных врачей, которые быстро ушли в литературу, Леонтьев прошёл сложный и порою мучительный путь. Его краткое жизнеописание можно сложить в следующую фразу: военный врач – дипломат – монах Афонского монастыря. Следующие два года прошли в духовных исканиях, после чего Леонтьев выходит из монастыря, становится журналистом и редактором. Затем неуживчивый характер приводит Константина Николаевича в Московский цензурный комитет. В последние 4 года жизни Леонтьев окончательно переезжает в монастырь (Оптину пустынь) и тайно постригается в монахи. Старцы монастыря одобряли духовный путь Леонтьева, считая его истинно православным. После пострижения Константин Николаевич переезжает в Троице-Сергиевскую лавру. Там же он умирает от воспаления легких и находит последнее успокоение в Гефсиманском скиту.

К. Леонтьев избрал медицину не по призванию, а по настоянию матери, которую любил и почитал. В последний год учёбы на медицинском факультете особенно обострилась обстановка в Крыму (Крымская война России с коалицией западных держав). Леонтьев выпущен с последнего курса досрочно военным лекарем и два года прослужил врачом госпиталя в Керчи. Тяга к литературной

деятельности у Константина Николаевича появилась рано. Он начал печататься, будучи ещё студентом Московского университета. В 1912-14 гг. выпущено посмертное собрание сочинений К. Леонтьева в 9 томах. Предполагалось выпустить еще 3 тома, но помешала мировая война. В последние годы этот забытый автор вновь вернулся к читателю. Возвращение к творчеству казалось бы забытых людей никогда не происходит случайно, по произволу судьбы. Оказалось, что Леонтьев за 40 лет до наступления роковых исторических событий (революции и смена государственного порядка) многое сумел предчувствовать и предугадывать. Именно поэтому Д.С. Мережковский назвал нашего героя Кассандрой [3]. По преданию пророческий дар Кассандры был запечатан божественным проклятием – её предсказаниям никто не верил. С Леонтьевым случилось нечто подобное. Но его разящие мысли не канули в лету. Именно поэтому нас знакомят не с художественной прозой, а с публицистическими и философскими произведениями этого чрезвычайно самобытного мыслителя [2]. Беллетристика К. Леонтьева остаётся неизвестной для современного читателя.

Полагаю, что как цензор Леонтьев был знаком с Чеховым заочно. Правда, об их личных встречах упоминаний не сохранилось. Тут сказались характерологические особенности. Наш герой в целом был очень разборчив в знакомствах. Например, из литераторов он поддерживал дружеские отношения только с И.С. Тургеневым и Вл. Соловьёвым.

К. Леонтьев – замечательный и непохожий ни на кого мыслитель, острый и радикальный. По необычности стиля и проблематике Леонтьева можно сравнить с Ницше. Но в отличие от последнего, Константин Николаевич – не философ по складу и культуре ума, по образованию и умственному направлению. У Леонтьева привлекает французская ясность ума с выпуклым и чеканным мышлением. Ему совершенно чужда метафизическая туманность и неясность.

Почему Леонтьев практически забыт, а Чехов печатается миллионными тиражами? Попробуем ответить на две части вопроса отдельно. На мой взгляд, Чехову повезло в том, что его привечали коммунисты, который считали, что Антон Павлович отражал «серость и убогость» дореволюционной России. Чехов – зеркало русской жизни, которая погибала в удушающей обстановке царского режима. Следовательно, нужно печатать этого автора как можно больше. Пусть все видят и ощущают, как трудно жила Россия на грани 19 и 20 веков. Следовательно, революции имеют внутреннее оправдание. Правда, стоит заметить, что даже без идеологической подоплеки, Чехов любим многими читателями.

И всё же позволю себе личное замечание. Судя по мемуарам современников, Чехов-литератор жил довольно замкнуто и призывал актёров и актрис к себе домой, чтобы как-то развеяться. Поездка Чехова на Сахалин – это «гусарская» эскапада, какая-то экстрасистема в его размеренном и невесёлом бытии (по внутреннему мироощущению). В произведениях любого автора отражается его личность. Разумеется, это отражение не зеркальное, но многое угадывается неравнодушным взглядом. Национальные, сословные, семейные инстинкты и традиции преломляются в неповторимой индивидуальности. Так создаётся

любой человек. Есть ещё одно странное пересечение судеб Чехова и Леонтьева. Помните пьесу «Вишнёвый сад», где дворяне продают имение бывшему крепостному (ныне купцу) Лопухину? Эта история в жизни Леонтьева повторилась с ошеломляющей буквальностью. Он продал родовое имение своему бывшему крепостному мужику.

И всё же, почему Леонтьев настолько малоизвестен современному читателю? Говорят, что на сцене (и в жизни) короля играет свита. Во многом это относится к писателям. Если собрать по перу и публика шарахаются в стороны от «кровожадного» Леонтьева и боятся даже упоминать его имя, что останется потомкам? Ведь мы наследуем культурный багаж не вполне не критично, огромную роль играют традиционные отношения к тем или иным авторам. А некоторые люди относятся к литературе как моде, по принципу «что сейчас читают?».

Леонтьев как мыслитель оказался одиноким, как «кот, который гулял сам по себе». Для реакционного лагеря наш герой был чересчур консервативен. Странно, не правда ли, быть настолько реакционным, чтобы самые правые течения в тогдашнем русском обществе тебя отвергали?! А либералы (социалисты тем более) считали Леонтьева неким исчадием ада. Д.С. Мережковский, тонко чувствующий человек, назвал Леонтьева «ужасным ребёнком» по созвучию с известным французским выражением *enfant terrible* [3]. «Ужасное дитя» – это создание, которое высказывает и публикует те мысли, которые произносить не принято. Ведь любой взрослый человек говорит далеко не то, что думает. Только дети порою высказывают вслух вещи, о которых даже думать неприлично.

Для того, чтобы хоть немного познакомиться со строем мыслей К. Леонтьева, возьмём один из его очерков. Для понимания очерка следует обрисовать обстановку, при которой Леонтьев его создавал. В 1880 году в Москве городским головою (мэром) был известный купец Павел Михайлович Третьяков, основатель галереи, названной его именем. У Третьякова родилась идея, отпраздновать 80-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Помимо открытия памятника наметили обширную культурную программу. Честь произнести программную речь, почтив память Пушкина, была предоставлена Ф.М. Достоевскому и И.С. Тургеневу. Отметим попутно, что Л.Н. Толстой отказался от участия наотрез, назвав празднество «балаганом».

Речь Достоевского произвела сильнейшее впечатление на слушателей. В конце речи двое московских старожилов, которые 50 лет отворачивались и расплёвывались при встречах, на глазах у изумлённой публики обнялись и сердечно расцеловались. Почти все российские газеты дословно напечатали речь буквально на следующий день. Примечательно, но в напечатанном виде слова Достоевского производили не столь сильное впечатление по словам присутствовавших. Видно такова особенность непосредственного восприятия – важно не только что говорить, но и как. Человеческий голос есть могучее орудие эмоционального воздействия.

Лейтмотивом выступления Достоевского была мысль, что гений Пушкина отразил типичную русскую народную особенность – способность к всемирной

отзывчивости, единения и братской любви.

Теперь послушаем критику Леонтьева. Ее главная мысль такова: любить современную Европу – грех и пошлость.

«Речь г-на Достоевского очень хороша в чтении, и тот, кто видел самого автора и кто слышал, как он говорит, легко поймёт восторг, охвативший слушателей. Из этой речи для меня, по крайней мере (признаюсь), совсем неожиданно оказалось, что г-н Достоевский, подобно великому множеству европейцев и русских всечеловеков, всё ещё верит в мирную и кроткую будущность Европы и радуется тому, что нам, русским, быть может скоро придётся утонуть и расплыться в безличном океане космополитизма. Надобно по-настоящему сказать себе: «Какое дело нам до того, что о нас думает Европа? Когда же мы это поймём?!».

Далее Леонтьев говорил о своих личных впечатлениях при общении с пленными французами во время Крымской войны. «Эти сухие фанфароны были тогда победителями и даже в плену были очень развязны. Зачем нам подобострастное и тщеславное желание получить одобрение от этой массы самоуверенных куафёров, про которых Герцен так хорошо сказал: «Он был не так глуп, как большинство французов, и не очень умен, как большинство французов».

Тему взаимоотношений Европы и России Леонтьев рассматривает с различных точек зрения: моральной, философской, даже библейской. Вот несколько выдержек из статьи Леонтьева, проистекающих из св. Писания. «Христос, повторяю, ставил милосердие или доброту личным идеалом. Но он не обещал торжества поголовного братства на земном шаре. Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всех сторон. А есть вещи, которые уступать нельзя». Далее Леонтьев утверждает, что гуманность христианская и новоевропейская являются антитезами, которые трудно примиримы. Гуманность вообще, как проявление демократических тенденций, названа «эпидемическим умопомешательством нашего времени, которое можно психиатрически назвать *mania democratica progressiva*».

Есть ссылки и на личный опыт жизни автора в православных монастырях. «Даже в монашеских общежитиях опытные старцы не очень-то позволяют увлекаться деятельною и горячею любовью, а прежде всего учат послушанию, принижению, пассивному прощению обид».

Финал статьи яростен и горяч почти до неприличия. Привожу полностью два последних абзаца.

«И как мне хочется теперь в ответ на странное восклицание г-на Достоевского: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!» – воскликнуть не от лица всей России, но гораздо скромнее, прямо от моего лица и от лица немногих мне сочувствующих: «О, как мы ненавидим тебя, современная Европа, за то, что ты погубила у себя самой всё великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного своим заразительным дыханием».

Если такого рода ненависть – «грех», то я согласен остаться век при таком грехе, рождаемом любовью к Церкви. Я говорю – «к Церкви», даже и католической, ибо если б я не был православным, желал бы, конечно, лучше

быть верующим католиком, чем эвдемонистом и либерал-демократом!!! Уж это слишком мерзко!»[2].

Леонтьев, по мнению Н. Бердяева был своеобразным мыслителем, защищавшим неравенство и иерархический строй во имя высших ценностей культуры и красоты жизни. В жажде равенства, охватившей мир, он почуял дух антихриста, отвратительного уродства и небытия. К. Леонтьев не может и не должен быть учителем. Но он действует в высшей степени возбуждающе на мысль, даёт духовные импульсы. Его следует считать одним из самых волнующих и благородных явлений русской духовной жизни [1].

Литература

1. Бердяев, Н. А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2007. С. 5–225.
2. Леонтьев, К. Восток, Россия и Славянство / К. Леонтьев. М.: Эксмо, 2007. С. 571–602.
3. Мережковский, Д. С. Страшное дитя: в кн: Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство / Д. С. Мережковский. М.: Эксмо, 2007. С. 28–36.
4. Соловьёв, В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьёв. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. Т. 2: Леонтьев. С. 414–441.